

КАДР В ПСИХОАНАЛИЗЕ

Аналитик и кадр

А.И. Коротецкая

Коротецкая Аурелия Ивановна – психоаналитик, психиатр, член Парижского психоаналитического общества, член Международной ассоциации психоанализа, член IPSO им. П. Марти, член Московской психоаналитической ассоциации. Проректор Института Психологии и Психоанализа на Чистых прудах.

Кадр как составляющая психоанализа имеет решающее значение для развития всего процесса и становится полноценным участником терапевтического воздействия. Принято говорить о ценности кадра для пациента. В данной статье обратим внимание на то, что происходит с психическим функционированием аналитика в границах сеттинга. Начнем с общих научных понятий постмодернистского времени, имеющих отношение к нынешней научной парадигме: антропного принципа, мозга Больцмана, теории хаоса – для того чтобы перейти к более специфичным для психоанализа событиям – состоянию аналитика в кадре и воздействию такого состояния на психоаналитический процесс в целом.

Ключевые слова: теория хаоса, антропный принцип; мозг Больцмана; аналитический сеанс; Я дневное; Я ночное; Я в сеансе; регрессионное мышление.

«Оттого-то Урания старше Клио...»

«Смотри,
это твой шанс узнать, как выглядит изнутри
то, на что ты так долго глядел снаружи...»

И. Бродский

«Сеттинг», «диапозитив», «кадр» вошли в психоаналитический словарь прочно, но, как и другие чрезмерно используемые слова, имеют множество оттенков и значений, о которых мы предлагаем порассуждать вместе.

Известно, что психоанализ – это процесс, но внутри этого процесса есть некоторые постоянные, этот процесс обуславливающие. Они образуют то, что мы называем словом «кадр». Именно это устройство, обрамляющее

наподобие рамки картину, делает эту картину видимой и в принципе возможной. Другими словами, кадр – это совокупность постоянных, внутри которых возможно развитие переменных, из которых будет складываться весь аналитический процесс. Кадр сам по себе не виден, не слышен, не осязаем, но он непременно присутствует и участвует в психоаналитической игре совместно с другими составляющими – интерпретацией, альянсом, переносом, контрпереносом, и, опять-таки, именно он, кадр, и делает возможным появление последних. Психоанализ есть «испытание неизвестным», погружение в неведомое, исследование незнакомых внутренних территорий. По сути это большая и длинная авантюра, которая возможна, как говорил Ж. Андре (*J. André, 2012*), лишь при условии, «что мы уверены, что стоим твердо на земле хотя бы одной ногой». То есть психоанализ имеет смысл лишь тогда, когда он связан с чем-то точным и фиксированным, с тем, что и является кадром.

Мы можем перечислить элементы, из которых кадр состоит – это и частота сеансов, и их продолжительность, и гонорар... Однако мы не можем перечислить невидимые элементы кадра, мы не знаем, что еще, помимо перечисленного, внесет наш пациент внутрь этих границ. И если мы не можем с точностью указать на то место, где граница кадра проходит, то мы ясно «услышим» шум от нарушения этих границ. Что становится практически неотъемлемым эпизодом при работе с пограничными личностями. В этом случае кадр становится почти полноценным участником процесса: на него ведется атака, его пытаются сломать, его игнорируют. И он превращается в источник ценного материала про и о функционировании пациента и раскрывает новые его стороны. А порой становится «соломинкой», удерживающей на плаву. Как-то об этом Винникотт (*Winnicott, 1967*) сказал, что порой кадр – это единственное, что может аналитик предложить своему анализанту.

Можно сказать, что кадр относится больше к стратегии, нежели к технике, однако, несомненно, понимание его значимости, как с теоретической, так и с практической точек зрения, – одна из важнейших составляющих профессиональных оснащений психоаналитика.

Начнем с очень общих положений, относящихся к жизни людей в целом. Оказывается, мы с вами живем в мире, который не должен существовать. Согласно третьему или второму началу термодинамики, все вещество Вселенной за бесконечное время должно было превратиться в крайне разреженный сверхнизкотемпературный газ, поскольку энтропия системы обязана нарастать. То есть рано или поздно все должно становиться менее упорядоченным. Однако в некоторых областях Вселенной она может становиться более организованной в результате флуктуаций (случайное отклонение Вселенной от ее главного состояния хаоса). Отсюда вытекает вполне логичный вывод о том, что хаос в силах породить упорядоченные системы. А человек живет в невероятно упорядоченной части Вселенной. Например, даже короткий отрезок молекулы ДНК выглядит настолько аккуратно, что вероятность ее появления в результате «случайных флуктуаций» физического материала невообразимо мала. Еще большей сложностью обладает человеческий мозг. Но как же стало

возможным его появление? По-видимому, во Вселенной есть чуть более упорядоченные области, но это положение вещей не поддается описанию, поскольку поблизости нет никого, способного на такое описание. То есть иногда, возможно, происходит флуктуация, и появляется настолько упорядоченная область Вселенной, что там рождается разумная жизнь, которая, в свою очередь, оглядывается и замечает, что живет в практически невозможно упорядоченном мире. **Это есть мозг Больцмана – гипотетически возможная субстанция (объект), возникающая в результате флуктуаций физического вакуума, осознавшая себя и способная наблюдать за окружающим миром.**

Все вышеизложенные рассуждения приводят к интересному выводу: только наличие наблюдателя (это и было названо *мозгом Больцмана*) упорядочивает окружающий мир. До появления стороннего наблюдателя Вселенная в обязательном порядке является хаотической. Здесь вполне уместно было бы провести аналогию между мозгом Больцмана и определением свойств фотона. Известно, что лишь наличие стороннего наблюдателя заставляет фотон проявлять свою либо корпускулярную, либо волновую структуру. Определить без наблюдения, корпускулой или волной является фотон в данный конкретный момент, просто невозможно. Все дело в так называемом *антропном принципе*, который многие считают крайней формой критерия отбора¹. Он гласит, что причина, по которой мы можем наблюдать нечто столь сложное, как человеческий мозг, состоит в том, что только нечто столь сложное, как человеческий мозг, и способно провести наблюдение.

Какое это имеет отношение к нашему методу и к сегодняшней теме – к кадру? – можете спросить вы. Самое прямое – повторяю: только наличие наблюдателя (*мозга Больцмана*)² упорядочивает окружающий мир.

---

¹ Формулировка Б. Картером в 1973 г. антропного космологического принципа (АКП) первоначально в качестве объяснения совпадения Больших чисел (1040–1080), как и всякое крупное достижение или открытие, не выявила сразу, да и не могла этого сделать, весь спектр возможных интерпретаций факта присутствия во Вселенной наблюдателя. На сегодняшний день насчитывается как минимум четыре формулировки АКП и его интерпретации. Две из них предложены Дикке и Картером.

1) Слабый АКП: «Наше положение во Вселенной с необходимостью является привилегированным в том смысле, что оно должно быть совместимо с нашим существованием в качестве наблюдателей»;

2) Сильный АКП: «Вселенная (и, следовательно, фундаментальные постоянные, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей».

Третья формулировка – «АКП участия» (participatory principle) – была предложена Дж. А. Уилером: «Наблюдатели необходимы для того, чтобы Вселенная возникла»; четвертая – финалистская – Типлером: «Во Вселенной должна возникнуть разумная обработка информации, а, однажды возникнув, она никогда не прекратится».

² Проблему «больцмановского мозга» можно попытаться решить и с точки зрения квантовой теории поля, которая утверждает, что в бесчисленном количестве вселенных можно обнаружить столь же бесчисленное количество копий того или иного события. Иными словами, бесконечность времени и пространства способна создать с абсолютной точностью все то, что когда-либо было ранее. Так, Фридрих Ницше еще в XIX веке рассуждал об идее о вечном возвращении, в котором история возвращается к своему же детальному воссозданию если не в нашей конкретно Вселенной, то хотя бы в одной из ее многочисленных копий.

Я твердо убеждена, что душевная жизнь скроена по лекалам Вселенной и законы, призванные объяснять сложные движения развития последней, вполне подходят для попыток объяснить душевное устройство. И обращаясь к кадру, мы непременно и неизбежно сталкиваемся с реальностью того, что кадр является той структурой, которая дает возможность и готовит почву для так называемой флуктуации психических элементов, в результате которых хаос, представленный посредством аффектов пережитого психического опыта, организуется в репрезентации (или в формы, имеющие значение до-репрезентаций), способные далее, путем осложнения, привести к организации психических структур. Все происходит, по-видимому, подобно тому, как при работе сновидения формируются образы, несущие вторичную информацию. До появления последних мы не ведаем, в каком именно виде пребывали те первоэлементы, которые приводят к образованию чего-то нового. И что из переживаний субъекта даст толчок к их появлению. То есть во сне инстанция Я становится своеобразным мозгом Больцмана, который своим наблюдением организует хаос.

Аналитический кадр устроен таким образом, что место аналитика не только предопределено, но и *anté-coup* нагружено некоторыми функциями, например, быть катализатором психических процессов пациента, тем самым давая возможность ему создавать и расширять свой внутренний мир. Другими словами, быть тем мозгом Больцмана, который будет организовывать психическое.

При нормальном психическом функционировании каждый из компонентов, используемых психическим аппаратом, обладает своей особой функцией и направлением (можем говорить о траектории, начинающейся с возникновения влечения и доходящей до различных исходов его удовлетворения), благодаря чему между различными функциями формируются отношения соответствия (как, например, между идентичностью восприятия и идентичностью мышления). Все психическое функционирование построено на ряде связей, которые соединяют один элемент с другим. Простейший пример – соотношение сновидения и фантазии. Более сложные связи ведут к сравнению первичного и вторичного процессов. Эти процессы связаны отношениями не только противостояния, но и сотрудничества, ведь в противном случае мы не смогли бы перейти от одной системы к другой и перевести, например, явное содержание сновидения в латентное. Но мы знаем, что это становится возможным только благодаря интенсивной психической работе. Все это подразумевает, что эти связи могут быть установлены на основе функционального различия: сон следует считать сном, мышление – мышлением и т. д. Но в то же время нам известно, что сон – не просто сон, мышление – не просто мышление и т. д. В аналитической работе это подразумевает, что пациент принимает аналитика за того, кем тот является, и в то же время за того, кем тот не является, но при этом в состоянии своим психическим функционированием поддерживать это различие. И, наоборот, это подразумевает, что аналитик может *занимать такую же позицию* по отношению к пациенту. В последнем мы с вами можем уловить описание переходного пространства в видении Винникотта (*Winnicott, 1963*) и не ошибемся.

Пространство кадра обладает всеми характеристиками переходного пространства, в особенности его потенциальностью. Мы, естественно, не будем принимать в расчет некоторую десексуализацию аналитического поля, допущенную Винникотом. Переходное пространство не только «не-что между двумя», «это будущее пространство, где будущий объект находится в состоянии перехода, потенциальности, где вероятное становится возможным, именно там, в непосредственной близости от внешнего реального объекта, происходит процесс творения объекта, прежде чем он таковым станет». Там, где переходное пространство разрушено, аналитик должен сначала благоприятствовать его восстановлению, иначе роль объекта будет только функциональная, каталитическая, он не будет желаемым. В связи с этим интересна техника Винникотта (*Winnicott, 1963*), которая отводит кадру надлежащее место, рекомендует принять несформированные психические состояния и занять по отношению к пациенту позицию не-вторжения. Через вербализацию он пытается восполнить нехватку материнской заботы, чтобы поощрить возникновение отношений Я с объектом, пока не наступит момент, когда аналитик сможет стать переходным объектом, а аналитическое пространство – потенциальным пространством игры и полем иллюзии. Не будем останавливаться на всех характеристиках переходного пространства. Лишь одно из качеств переходного пространства хотелось отметить особо – то, что это такое место, в котором безумие не только дозволено, оно положено.

Иначе как бы мог произойти известный всем винникоттовский случай, когда, слушая мужчину, проходящего у него анализ, Винникотт (*Winnicott, 1969*) вдруг поймал себя на том, что он видит девочку, хотя на его кушетке лежал пациент-мужчина средних лет? Он говорит пациенту: «Я прекрасно знаю, что вы мужчина, но я сейчас слушаю девочку и обращаюсь к девочке. И я ей говорю: "Ты рассказываешь о зависти к пенису"».

Из текста описания этого случая мы узнаем, что в этом анализе сложились такие отношения, когда после хорошей работы последовали деструкция и крушение иллюзий, так как «что-то самое основное не изменилось» (*Winnicott, 1969*). Но в тот момент, пишет Винникотт, его слова дали «немедленный эффект». Пациент ответил: «Если бы я сказал кому-то об этой девочке, меня бы назвали сумасшедшим». К собственному удивлению, Винникотт сказал: «Это не вы сказали о ней кому-то, это **я вижу и слышу** девочку, когда у меня на кушетке лежит мужчина. Значит, сумасшедший **здесь я**».

Пациент почувствовал, что Винникотт обратился к обеим его частям: к мужчине, коим он знал, что был, и к девочке – спрятанной и «сумасшедшей». Впоследствии выяснилось, что мать пациента считала его девочкой, прежде чем поняла, что он мальчик. Поэтому он был здоровым младенцем в сумасшедшем окружении, это окружение было им интроецировано, а потом спроецировано на аналитика, который почувствовал это внутри кадра, в контрпереносе. Хотя Винникотт размышляет о том, что невозможно доказать, что мать пациента действительно какое-то время считала его девочкой, то, что проявилось в контрпереносе, являлось тому свидетельством. Происходящее было в тот момент и для пациента,

и для аналитика вполне адекватным переживанием и привело к дальнейшей важной психической работе.

Вышеприведенный клинический случай использовался Винникоттом для иллюстрации его концепции диссоциированных мужских и женских элементов (*Winnicott, 1969*).

Описание Винникотта предполагает смелую, поражающую воображение клиническую инновацию: своим признанием того, что он был поражен, обнаружив, что превратился в сумасшедшего, потому что увидел маленькую девочку, Винникотт помещает диссоциацию пациента внутрь кадра, в отношения, которые развиваются между пациентом и его аналитиком. Аналитик является не тем, кто всего лишь пытается объяснить себе бессознательное пациента или улавливает его проекции. Психоаналитик становится субъектом, который идентифицируется с проекцией пациента и присваивает ее как свою собственную. Ранее диссоциированные элементы психики пациента, таким образом, через их совместное эмоциональное проживание символизируются в мыслях и в языке. То, что было невозможно сказать словами, теперь, благодаря контрпереносу, контеинируется в Я без потери ощущения континуума бытия.

Способность аналитика выдерживать бессознательно посылаемое пациентом сообщение о несостоятельности раннего окружения означает, что он помогает пациенту первый раз пережить застывшую травму. Когда Винникотт сказал пациенту, что сумасшедший здесь он – аналитик/мать, пациент почувствовал, что он (пациент) – нормальный в сумасшедшем окружении, то есть что он был нормальным здоровым младенцем, но живущим в безумном окружении, потому что его мать обращалась с ним, как если бы он был девочкой. Это обращение к ранней травмирующей ситуации в переносе должно быть прожито вместе, чтобы она могла быть артикулирована и, следовательно, стать пригодной для осмысления, а не диссоциированной, как это было раньше.

Вышеописанное заставляет нас осознать и оценить существование третьего, помимо аналитика и пациента, фактора анализа. Психоаналитический кадр – это не только условия, при которых возможна практика психоанализа, он сам по себе оказывает влияние на атрибуты психики. Происходит транспозиция выражения внутреннего мира на ограниченное поле взаимодействий между субъектом и объектом, и таким образом начинают отражаться иные, чем во внешнем мире, характеристики отношений между двоими. Будто бы что-то осуществляет переход от внутреннего во внешнее, порождая новую форму существования, чтобы стать чем-то большим, чем просто внешнее. Это нечто среднее между симбиозом у Биона (*Bion, 1976*) и потенциальным воссоединением у Винникотта, не ограничивающееся отражением своего изначального места, а относящееся к чему-то иному.

Отсюда вытекает и смещение акцента психоаналитической техники при работе с современными пациентами. В первую очередь мы можем ныне говорить иными метафорами, за пределами «археологической» метафоры Фрейда, как основной в (ре)конструкции прошлого; в то же время сеанс может рассматриваться как вмешательство творческой силы, сродни

работе сновидения; мы можем говорить о «трансформационном» психоанализе в дополнение к «археологическому».

Сегодня мы можем вслед за Сезаром Ботеллой говорить о том, что трудно изучить некий метод и одновременно сохранить достаточную дистанцию с ним, чтобы осознать его ограничения (С. Botella, 2012). Таким образом, потребовалось много времени, чтобы понять: способ работы с пограничными случаями и, если говорить шире, вообще со случаями травм, не получившими символической репрезентации (негативами травмы), подразумевает трансформационную регрессию. Не просто идею, что сны несут в себе память, не получившую репрезентации, но мысль о том, что работа сновидения может стать образцом для работы конструирования воспоминаний; еще точнее – о том, что регрессионные ассоциации как аналитика, так и пациента, часто связанные с описанием сновидения, могут «выявить–произвести» конструкцию воспоминания, ранее не существовавшего в форме репрезентации.

Говоря коротко, если мы хотим помочь психоанализу эволюционировать, нам следует уподобиться Фрейду, который воскликнул, обращаясь к Ранку, желавшему свести психоанализ к тому, что Фрейд написал ранее: «Но я не фрейдист!» И сегодня спасение психоанализа, развитие его потенциала требуют, чтобы каждый аналитик освободился от гнета «учительского авторитета» и достиг определенного состояния ума, которое можно, перефразируя Фрейда, обобщенно описать так, как об этом говорит С. Ботелла (С. Botella, 2020): «Но я не фрейдист, не кляйнианец, не последователь Биона или Винникотта». Иными словами, каждый аналитик должен разработать свой собственный аналитический образ мышления вместо концепций, позаимствованных из книг. Аналитическая мысль продолжит свое развитие, не теряя связи со своими основополагающими принципами, авторы уйдут, но их идеи останутся. Зачастую мы сталкиваемся с тем, что, когда появляется какая-нибудь новая научная идея, которая провозглашается открытием, объективное исследование вскоре обнаруживает, что в конечном счете в ней нет никакой новизны. «Открытие» это, как выясняется, уже было сделано неоднократно, а затем забыто, часто на очень продолжительное время. Или, по крайней мере, у него объявляются предшественники, которые недостаточно отчетливо постигли его или изложили неполно. Или же оно было изложено несколько по-другому.

В данном контексте хотелось бы обратить ваше внимание на описание «состояния сеанса» – концепция Сары и Сезары Ботелла (S. Botella et C. Botella, 2006), которое относится к описанию переживаемого аналитиком в кадре. То есть речь идет о том, каким изменениям подвергается психическое функционирование аналитика внутри кадра психоаналитического сеанса.

Описывая свой аналитический метод, применяемый при работе с пациентами, а также для понимания сновидений – речь идет о методе свободных ассоциаций, Фрейд говорит, что последние появляются в особом психическом состоянии: «такое психическое состояние, которое представляет собой некую аналогию промежуточного между сном и бодрствованием» (Freud, 1925). Другими словами, мы сталкиваемся с Я, которое

функционирует в основном своим дневным способом, но в некоторые моменты его функционирование становится близким к таковому ночного Я. Это достаточно комплексная ситуация, в которой Я в сеансе теряет преимущества дневного состояния (а именно свою двигательную активность, способность к действию), возможность восприятия в большей мере заброшена и приближена к состоянию сна; тем не менее дневное Я не имеет, наподобие ночного Я, того преимущества, что исходит из легкого доступа к галлюцинаторному пути. Таково это состояние сеанса с его промежуточным характером, где-то абсурдным, чудовищным, полуночное-полудневное состояние.

Я в сеансе – ни дневное, ни ночное, – пытается пользоваться, насколько возможно, обоими способами функционирования, и на это тратятся большие количества психической энергии. То меньшее зло – кульбиты, к которым Я не подготовлено, и это будет иметь свои последствия, ибо сближение двух режимов функционирования, ночного и дневного, происходит таким образом, чтобы эти два способа не встречались между собой, и может вызвать у аналитика состояние тревожной странности или деперсонализации. Состояние сеанса позволяет психике отпустить себя по направлению к функционированию, в котором свободные ассоциации пациента и свободно плавающее внимание аналитика теряют принуждение следовать вторичным процессам и становится возможным приближение к БСЗ. То есть пробуждаются способы функционирования, свойственные инфантильной сексуальности, и процессы исследования, принимая форму регрессионных квазигаллюцинаторных психических процессов, будут иметь доступ к зонам, доселе недоступным. Речь идет о работе фигурабельности (придания образности, изображения), которая отлична от предсознательного ревери, к которой обращаются постбионотцы, – это аналитическое соответствие несколько другого порядка, согласно авторам (*S. Botella et C. Botella, 2007*). Работа изобразимости представляет собой высшую точку работы аналитика, а противоположной точкой будет полное отсутствие регрессии, работа, над которой довлеет восприятие и реальное.

Те же авторы (*S. et C. Botella, 2006*) обращают внимание на особый вид психической работы аналитика в кадре, названной ими «регрессионностью».

Согласно их пониманию, принимая термин *регрессионность*, следует очистить формальную регрессию от любой архаической коннотации, от примитивного способа выражения или же от простой комплементарности к основному порядку, который был бы прогрессом. От всего того, что означает возвращение назад. Предлагается понятие, не пропитанное генетической коннотацией понятия регрессии. Онейрическая активность, этот главный пример регрессионности, не является ни регрессивной, ни архаической и не представляет собой меньшую ценность, нежели дневная мысль. Это лишь другой способ мыслить, «зрительное мышление» (*Freud, 1900*), как о нем говорил Фрейд. Пользуясь термином «регрессионность», мы получаем преимущество-попытку соединить в единый автономный термин понятия регрессионного пути мысли, идентичности

восприятия, галлюцинаторного и качество оживления; это понятие для приближения к способу функционирования бессознательного.

Регрессиентность понимается в следующих терминах: оно является одновременно и психическим статическим состоянием, и движением в становлении, она несет в себе потенциал трансформации, это такое психическое качество, которое позволяет галлюцинаторным способом снизить количество возбуждения в тех состояниях, когда нет доступа к моторным путям разрядки. Самым явным проявлением, продуцированным регрессиентностью, является сновидение, и это самый качественный ее продукт.

Динамика появления сновидения оригинальна, она отсылает к событию, которое составляло первоначальное сексуальное, а именно – к связи влечения с потерянным объектом галлюцинаторного удовлетворения. Его состояние постоянного движения в сторону усложнения может включать одновременно все присутствующие в определенный момент элементы, независимо от происхождения: в виде репрезентаций, восприятий или моторности; независимо от их качества – бсз или сз и их гетерогенность имеет иногда радикальный характер. Определяясь одновременным сосуществованием многих составляющих с одинаковой ценностью, всеми психическими элементами, присутствующими в определенный момент, регрессиентность может, в таком же движении, вызвать бесчисленные новые связи, даже там, где их никогда не было, создавая таким образом новые причинности. Этот феномен Фрейд назвал в 1895 году в «Этюде по истерии» «принуждением к соединению совокупности вещей в данный определенный момент» (*Freud, 1895*).

Метафорой феномена регрессиентности, по мнению С. Ботелла (*C. Botella, 2020*), может служить модель ткацкого станка, при работе которого один толчок приводит к соединению воедино множества нитей и из хаоса разрозненных единичных элементов появляется новый узор. Подобный способ видоизменять содержимое мыслей в другую форму может служить работе конденсации и «*творить связи, доныне не существующие, с другими мыслями*» (*Freud, 1895*). Работа изобразимости (фигурабельности) – это процесс постановки в смысл, работа «каузальности», творец новых причинностей. Фрейд пишет об этом как об «одной из самых ранних и самых важных функций психического аппарата: функция связывания движения влечений... это подготовительный акт, который вводит и обеспечивает доминацию принципа удовольствия» (*Freud, 1895*). Вызывая психическое состояние регрессиентности для того, чтобы установились новые связи, новые причинности, работа изобразимости (фигурабельности) повышает психические способности, непосредственно во время аналитического процесса.

Является ли регрессиентность более интеллигентной, чем прогресс, чем вторичные процессы, чем абстрактное мышление? Несомненно, поскольку ей присуща полная свобода, тогда как прогресс в своей специализации несет в себе частичную жертву психического потенциала человека. Ведь психическая деятельность аналитика в подобном состоянии приближается к квазигаллюцинаторной. Лакан выразит интуицию

«основополагающей, основой галлюцинации» и будет утверждать, что «без чего-то, что галлюцинирует, в качестве системы отсчета, никакой мир восприятия не будет организовываться действенным способом, не создается человеческим способом» (*Lacan*, 1963). Андре Грин станет первым, который введет галлюцинаторную форму, негативную галлюцинацию (репрезентация отсутствия репрезентаций): обратная сторона психического явления, чья лицевая сторона – это галлюцинаторное удовлетворение желания (*Green*, 1973).

Однако мы переходим в другое теоретическое пространство, позволяющее осмысливать и концептуализировать психическое функционирование индивида в условиях, приводящих впоследствии к пограничному состоянию, элоквентной иллюстрации работы негатива.

Нам же с вами необходимо понимать, что состояние кадра, его соблюдение и наблюдение за тем, что в данный кадр включается по ходу психоаналитического процесса, столь же важно для пациента, сколько и для аналитика. А зачастую именно «состояние сеанса» аналитика позволяет ему вместе с пациентом писать историю психического развития, ту историю, которая доселе никогда «не выходила в печать».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Винникот Д.В.* (2017) Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. 208 с.
2. *Картер Б.* Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология, теория, наблюдения. М., 1978. С. 372.
3. *Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. С. 306.
4. *Botella C. et S.* (2007) La figurabilité psychique. Edition in press.
5. *Barrow O.J., Tipler A.J.* The Anthropic cosmological Principle. Oxford, 1986. P. 22.
6. *Bergeret J.* (1974). La personnalité normale et pathologique. Paris. Dunod.
7. *Bion W.* (1963) Elements of Psycho-Analysis. London Routledge.
8. *Fedida P.* (1987) L'absence. Gallimard.
9. *Green A.* (1973) Le Discours Vivant, 229. Le fil rouge.
10. *Green A.* (1975) The Analyst, symbolisation and absence. IJP, 56.
11. *Lacan J.* L'angoisse. Séminaire 1962–1963. Paris: A.L.I., 2007.

Psychoanalyst and cadre

A.I. Korotetskaya

Korotetskaya Aurelya Ivanovna, psychoanalyst, psychiatrist, member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), member of the International Psychoanalytical Association (IPA), member of the IPSO named after P. Marti, member of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA). Vice rector of the Institute of Psychology and Psychoanalysis on Chisty prudy.

The setting as a component of psychoanalysis is crucial for development this entire process and becomes a full participant therapeutic actions. It is customary to talk about the value of the setting for the patient. Let's start with the general scientific concepts of postmodernism, relevant to the current scientific paradigm. From the concepts of the anthropic principle, Boltzmann's brain, chaos theories, to move on to more specific ones for psychoanalysis development analyst condition and the effect of such a state on the psychoanalytic process as a whole.

Keywords: chaos theory, the anthropic principle, Boltzmann's brain, analytical session, state Ego in session, daytime Ego, nighttime Ego, regredient mind-set.